

ПОЛІТИЧНІ НАУКИ

УДК 327

Аманмырадов Н. А.
соискатель, Национальный педагогический
университет им. М. П. Драгоманова
(Украина, Киев), gileya.org.ua@gmail.com

**ДЕМОКРАТИЯ И КОЛЛЕКТИВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
КАК ПРИНЦИПЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Анализируются основные направления изменения философии международных отношений в контексте их демократизации и повышения международной безопасности; одновременно подчеркивается важность укрепления мира и принципов прав человека, солидарности и взаимного понимания, уважения национального выбора и толерантности.

Ключевые слова: человек, политика, международные отношения, культура, безопасность, демократия.

(статья друкється мовою оригіналу)

Новая философия международных отношений формируется как демократическая, открытая, системная и гуманистическая. И хотя в разных регионах мира возникают те или иные конфликты, фактом остается общее стремление человечества к реализации демократии, миротворчества, взаимопонимания и толерантности, сотрудничества. Остановимся на этом более детально.

В первую очередь рассмотрим основные параметры новой философии международных отношений в контексте становления идей “глобального гуманизма”, демократии и “коллективной безопасности”.

В целом тенденция гуманизации составляет характерную особенность современного этапа развития системы международных отношений. По словам П. Цыганкова, в международно-политической теории гуманизация международных отношений трактуется как неуклонный рост влияния на эту сферу норм морали и нравственности, как ее “очеловечивание”, направленное на признание самоценности человека, более полное обеспечение его прав и свобод [1, с. 51].

При этом есть основания рассматривать современный гуманизм как глобальный гуманизм. Согласно мнению А. Кудишиной, как показывает анализ идей эволюционного, ноосферного, космического гуманизма, а также экогуманизма, базовые положения этих концепций определили одну из ведущих характеристик современного гуманизма: его планетарность, обращенность к мировому сообществу как ответственному субъекту не только планетарной этики, но и планетарного экологического сознания. Планетарность современного гуманизма предполагает его перспективизм, футуристичность и постеритизм, т.е. обращенность к будущему в связи с заботой о судьбах последующих поколений людей [2, с. 56].

Появление данного феномена является закономерным процессом, связанным как с внутренними свойствами самого гуманизма, так и

интенсификацией межкультурных взаимодействий в условиях глобализирующегося мира. Как отмечает А. Кудишина, это, в сущности, произошло отнюдь не случайно, а является результатом как качеств, заложенных внутри гуманизма, изначально заявившего о себе как о космополитическом явлении, так и ввиду широкого распространения ценностей гуманизма по мере расширения границ демократии и активизации цивилизованных транскультурных отношений между людьми, региональными и национальными культурами [2, с. 125].

Параллельно с идеями глобального гуманизма современная философия международных отношений обосновывает приоритет демократии. Сегодня признание в международном сообществе зависит от отношения к демократическим ценностям, принципам, процедурам. Как отмечает М. Лебедева, оставаться вне всемирного “демократического клуба” в современном глобализирующемся мире означает быть неким “изгоем” – вне системы, вне “Современности”. Это побуждает все новые и новые государства ориентироваться на демократические ценности. В этом контексте можно рассматривать процесс демократических преобразований в конце XX столетия именно как тенденцию политического развития мира, в реализации которой все более важными оказываются не эндогенные (внутренние) факторы (уровень социально-экономического развития, политические процессы в обществе и т.п.), экзогенные по отношению к данному государству, т.е. международная среда. Именно она побуждает к демократическим преобразованиям [3, с. 175–176].

Реализация позитивных потенциалов процесса глобализации также требует опоры на демократические принципы в международных отношениях. Так, И. Новик подчеркивает, что глобальность реализуема в рациональных и гуманных формах лишь на фундаменте локальных и региональных демократий. Стало быть, важнейшая системная закономерность нынешнего мирового развития выражается в примате демократического над глобалистическим. Только предварительное установление демократии способно обеспечить последующее формирование оптимальной для человечества глобальной системы. Определяющей чертой сложного системного процесса формирования мировой демократии как глобальной системы служат добровольность и ненасильственность интеграции стран, народов, людей [4, с. 156].

Демократия рассматривается и как основа для поддержания мира между народами. Как отмечает Э. Баталов, с 80-х годов XX века в Америке начала складываться так называемая теория демократического мира (“демократии друг с другом не воюют”), представленная работами М. Дойла, Б. Рассета и ряда

других крупных теоретиков–международников. Получалось, что глобальная демократизация открывает путь к реализации давней мечты человечества – утверждению мира во всем мире [5, с. 148].

При этом необходимо отметить тесную взаимосвязь гуманизма и демократии как принципов современных международных отношений. В частности среди основных принципов современного гуманизма А. Кудишина отмечает поддержку и защиту демократии, развития политического самосознания общества и гражданина, поскольку просвещённый гражданин – лучшая гарантия в достижении общественного блага. Демократия в обществе зависит от его открытости, наличия гражданских свобод, свободной прессы, власти большинства и прав меньшинств, права на легальную оппозицию и соответствующее законодательство [2, с. 124].

В. Спивак отмечает обратное влияние демократии на распространение гуманизма. Расширение поля демократического сосуществования свидетельствует не только о ценности данного института, но и одновременно создаёт возможности для реализации стратегий и программ гуманизации глобального развития [6].

В свою очередь И. Новик рассматривает гуманизм и демократию как две подсистемы единой перспективной для выживания людей системы гуманно–демократических связей. Гуманное отношение к другим оказывается, в конечном счете, выгодным для всех на достигшем цивилизованности рынке. Гуманизм в высших своих проявлениях – как мировоззрение уважения к человеку, ненасилия по отношению к нему – сам становится оптимальным прагматизмом, т.е. реальным инструментом реализации демократии и в то же время ее ограничителем и регулятором, ибо антигуманная демократия люмпенов создает беспредел, ведет к фашизму. Демократия, в свою очередь, выступает практической реализацией гуманизма. Система “гуманизм – демократия” оптимальна и наиболее устойчива в исторической эволюции [4, с. 158].

Ещё одним базовым принципом современной философии международных отношений выступает коллективная безопасность. В целом безопасность сегодня рассматривается как универсальная ценность общества риска. Это то общее основание, на котором необходимо выстраивать международное сотрудничество, направленное на предотвращение глобальных катастроф.

Как отмечает О. Яницкий, продолжающийся рост народонаселения Земли, по крайней мере треть которого не обеспечена минимальным набором продуктов питания, терроризм, уже ставший повседневностью, все более множественные этнические и межнациональные конфликты, природные и техногенные катастрофы, угроза глобального изменения климата стимулируют в совокупности сдвиг в целях и ценностях евроатлантического сообщества: от накопления богатства и роста качества жизни к усилиям по снижению рисков и угроз. Безопасность и здоровая среда обитания “здесь и сейчас” как высшие ценности для богатых и бедных вытесняют мечту о вечном всеобщем благоденствии [7, с. 156].

В свою очередь И. Василенко обращает внимание на этическое измерение ценностей безопасности. Оказалось, что в конце XX века, как и столетие назад, процесс образования и актуализации новых ценностей связан с решением новых моральных вопросов. И поскольку глобальные проблемы являются едиными для всех цивилизаций, появляются и новые общие ценности. Человечество наконец стало совместными усилиями возделывать общее поле духовных проблем, и это естественным образом сблизило народы и культуры [8, с. 335].

При этом стоит отметить тенденцию расширения поля проблематики безопасности. По словам В. Кулагина, на рубеже веков в сфере безопасности формируется новый феномен – масштабное вторжение в пространство военно–политической безопасности (и в сопредельные области расширяющегося поля безопасности) новых негосударственных действующих лиц, а также изменение роли национальных государств. Поэтому речь идет уже не только о “международной безопасности” в ее межгосударственной ипостаси, а о явлении с более широким набором действующих лиц, которое по этой причине более корректно было бы именовать “мировой безопасностью” [9].

Таким образом, актуализация глобальных угроз и проблем международной безопасности приводит к необходимости объединения усилий всего мирового сообщества в рамках различных форм коллективной безопасности. Глобальные проблемы стимулируют процесс объединения усилий, направленных на поддержание безопасности в глобальных масштабах. С точки зрения М. Лагутиной, наличие глобальных проблем и появление в мировой политике “новых вызовов и угроз”, впервые в истории ставящих под угрозу само существование человечества, подталкивает мировое сообщество к интеграции и обуславливает поиск новых форм сотрудничества мирового социума и новых инструментов управления мирополитическими процессами в условиях глобализации [10, с. 31].

Как пишет В. Кулагин, положение о том, что глобализация усиливает “сжатость” и взаимозависимость мира и влияет на мировую безопасность, давно стало банальностью. Заинтересованность подавляющего большинства наций в подключении к экономической и технологической глобализации стабилизирует мировое пространство безопасности, более или менее масштабное нарушение которой может привести к разрушению взаимосвязанной структуры мирового хозяйства. Выход на передний план новых транснациональных угроз (например, терроризма) угрожает большей части мирового сообщества. Человечество начинает усваивать на практике благотворность коллективных подходов к решению некоторых ранее казавшихся непреодолимыми проблем – например, сокращения вооружений, урегулирования вооруженных конфликтов, борьбы с эпидемиями, природными и техногенными катастрофами. Хотя и в недостаточной степени, но возрастает общий мирный дивиденд от снижения уровня конфронтации [9].

При этом важным аспектом проблемы коллективной безопасности является её связь с демократией. С точки зрения В. Грубова, главными факторами поддержания

международной стабильности и формирования среды безопасности на демократических принципах стали такие: приверженность всех участников системы безопасности относительно главных демократических ценностей; способность демократических элит отвечать на внешние вызовы без применения силы; взаимная возможность прогнозировать политические, экономические и социальные действия партнеров; необходимость общих базовых ценностей и коллективная идентичность. Таким образом, новые ориентиры не только соединили экономическую и духовную сферу бытия человека Запада, но и отображали приоритет ценностей в формировании политики национальной и международной безопасности [11].

В свою очередь Н. Косолапов развитие нового подхода к обеспечению безопасности связывает с построением такой единой общечеловеческой системы международного правопорядка, которая формировалась бы на началах коллективизма, добровольности и демократизма, но в дальнейшем предполагала бы достаточно определенные и жесткие обязательства её членов [12, с. 204–205].

Несмотря на множество трудностей и проблем, с которыми сталкивается процесс создания и деятельности структуры коллективной безопасности, практика международных отношений демонстрирует определённые успехи, позволяющие смотреть в будущее со сдержанным оптимизмом.

В целом в XX в. феномен “международной безопасности” как институт коллективного сдерживания войн постепенно, с крупными сбоями все же начинает теснить феномен войны в качестве основного и, как казалось до той поры, неизбежного инструмента международных отношений. Военная сила оставалась важным фактором мирового взаимодействия, но новая логика “хочешь мира – укрепляй международную безопасность” постепенно дополняла, а нередко и брала верх над многовековой догмой “хочешь мира – готовься к войне” [13, с. 417–418].

События последнего времени, особенно в Украине, требуют дополнительных исследований и обобщений. Современный мир – сложен и противоречив. Он не вписывается в любую, даже самую изобретательную теоретическую конструкцию.

Список использованных источников

1. Цыганков П.А. Гуманизация международных отношений: противоречия и парадоксы / П.А. Цыганков // *Общественные науки и современность*. – 1998. – № 1. – С. 51–59.
2. Кудишина А.А. Гуманизм – феномен современной культуры / А.А. Кудишина. – М.: Академический проект, 2005. – 504 с.
3. Лебедева М.М. Мировая политика: Учебник для вузов / М.М. Лебедева. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 365 с.
4. Новик И.П. Гуманизм – Демократия – Глобализм / И.П. Новик // *Общественные науки и современность*. – 1992. – № 5. – С. 155–162.
5. Баталов Э.Я. Человек, мир, политика / Э.Я. Баталов. – М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2008. – 330 с.
6. Спивак В.М. Політико-правовий та соціокультурний виміри глобалізації: автореф. дис. ... д-ра політ. наук: 23.00.02 / В.М. Спивак. – К., 2011. – 34 с.
7. Яницкий О.Н. “Турбулентные времена” как проблема общества риска / О.Н. Яницкий // *Общественные науки и*

современность. – 2011. – № 6. – С. 155–164.

8. Василенко И.А. Политическая глобалистика: Учебное пособие для вузов / И.А. Василенко. – М.: Логос, 2000. – 360 с.

9. Кулагин В. Глобальная или мировая безопасность? / В.Кулагин [Электронный документ] // *Международные процессы*. – 2007. – Т. 5. – № 2 (14). – Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/fourteen/004.htm>

10. Лагутина М.В. Мировая политика как инструмент управления новой системой международных отношений / М.В. Лагутина // *Вестник международных организаций*. – 2011. – № 1. – С. 29–40.

11. Грубов В.М. Ліберальна парадигма в формуванні європейської колективної безпеки XXI століття: автореф. дис. ... д-ра політ. наук: 21.01.01 / В.М. Грубов. – К., 2008. – 34 с.

12. Косолапов Н.А. Сила, насилие, безопасность: современная диалектика взаимосвязей / Н.А. Косолапов // *Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений* / Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. – М.: НОФМО, 2002. – С. 190–206.

13. *Современные международные отношения: учебник* / под ред. А.В. Торкунова, А.В. Мальгина. – М.: Аспект Пресс, 2012. – 688 с.

References

1. Cygankov P.A. Gumanizacija mezhdunarodnyh otnoshenij: protivorechija i paradoksy / P.A. Cygankov // *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. – 1998. – № 1. – С. 51–59.
  2. Kudishina A.A. Gumanizm – fenomen sovremennoj kul'tury / A.A. Kudishina. – М.: Akademicheskij proekt, 2005. – 504 s.
  3. Lebedeva M.M. Mirovaja politika: Uchebnik dlja vuzov / M.M. Lebedeva. – М.: Aspekt Press, 2007. – 365 s.
  4. Novik I.P. Gumanizm – Demokratija – Globalizm / I.P. Novik // *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. – 1992. – № 5. – С. 155–162.
  5. Batalov Je.Ja. Chelovek, mir, politika / Je.Ja. Batalov. – М.: Nauchno-obrazovatel'nyj forum po mezhdunarodnym otnoshenijam, 2008. – 330 s.
  6. Spivak V.M. Polityko-pravovyj ta sociokul'turnyj vymiry globalizacii': avtoref. dys. ... d-ra polit. nauk: 23.00.02 / V.M. Spivak. – К., 2011. – 34 s.
  7. Janickij O.N. “Turbulentnye vremena” kak problema obshhestva riska / O.N. Janickij // *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. – 2011. – № 6. – С. 155–164.
  8. Vasilenko I.A. Politicheskaja globalistika: Uchebnoe posobie dlja vuzov / I.A. Vasilenko. – М.: Logos, 2000. – 360 s.
  9. Kulagin V. Global'naja ili mirovaja bezopasnost'? / V.Kulagin [Jelektronnyj dokument] // *Mezhdunarodnye processy*. – 2007. – Т. 5. – № 2 (14). – Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/fourteen/004.htm>
  10. Lagutina M.V. Mirovaja politika kak instrument upravlenija novoj sistemoy mezhdunarodnyh otnoshenij / M.V. Lagutina // *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij*. – 2011. – № 1. – С. 29–40.
  11. Grubov V.M. Liberal'na paradygma v formuvanni jevropejs'koi kolektivnoi' bezpeky XXI stolittja: Avtoref. dys. ... d-ra polit. nauk: 21.01.01 / V.M. Grubov. – К., 2008. – 34 s.
  12. Kosolapov N.A. Sila, nasilie, bezopasnost': sovremennaja dialektika vzaimosvjazej / N.A. Kosolapov // *Ocherki teorii i metodologii politicheskogo analiza mezhdunarodnyh otnoshenij* / Bogaturov A.D., Kosolapov N.A., Hrustalev M.A. – М.: NOFMO, 2002. – С. 190–206.
  13. *Sovremennye mezhdunarodnye otnoshenija: Uchebnik* / Pod red. A.V. Torkunova, A.V. Mal'gina. – М.: Aspekt Press, 2012. – 688 s.
- Amanmyradov N. A., the applicant, Nationalpedagogicaluniversity, isthenameof M. II. Drahomanov (Ukraine, Kyiv), gileya.org.ua@gmail.com*

Democracy and the principles of collective security as a modern philosophy of international relations

The main directions of change in the philosophy of international relations in the context of democratization and enhancing international security; at the same time emphasizes the importance of strengthening peace and human rights principles of solidarity and mutual understanding, respect and tolerance of the national selection.

Keywords: people, politics, international relations, culture, security, democracy.

Аманмирадів Н. А., здобувач, Національний педагогічний університет ім. М.П. Драгоманова (Україна, Київ), gileya.org.ua@gmail.com

Демократія і колективна безпека як принципи сучасної філософії міжнародних відносин

Аналізуються основні напрями зміни філософії міжнародних відносин в контексті їх демократизації та підвищення міжнародної безпеки; одночасно підкреслюється важливість зміцнення миру і принципів прав людини, солідарності та взаємного розуміння, поваги національного вибору і толерантності.

Ключові слова: людина, політика, міжнародні відносини, культура, безпека, демократія.

* * *

УДК 316.65

Прошин Д. В.

кандидат історических наук, доцент, доцент кафедри політології, соціології і гуманітарних наук, Дніпропетровський університет ім. А. Нобеля (Україна, Дніпропетровськ), bishop.74@mail.ru

ТЕРРОРИЗМ В КОНТЕКСТЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ТРАНЗИТОВ

Рассмотрена важная, но практически не изученная в Украине проблема терроризма в контексте переходов от авторитарных режимов к демократии. Автор отмечает, что, вопреки весьма широко распространенному мнению, демократизация политической жизни не гарантирует быстрого, тем более автоматического снижения или полного устранения террористической угрозы. Более того, в ходе некоторых демократических транзитов возможен всплеск террористического насилия. На примере одиннадцати стран и тридцати двух террористических группировок автор предпринимает попытку в первом приближении обозначить параметры влияния, оказываемого демократическими транзитами на характер и динамику террористической активности. Отдельно автор подчеркивается опасность соскальзывания молодых демократий в плоскость “экстралегальных” силовых методов противодействия терроризму (т.е. использования для борьбы с террористами создаваемых правительством теневых вооруженных группировок). В конце статьи намечен ряд направлений, по которым должно продолжаться изучение поставленной проблемы.

Ключевые слова: терроризм, демократия, демократические транзиты.

(статья друкується мовою оригіналу)

Вопрос об отношении между демократией и терроризмом до сегодняшнего дня остается практически не изученным отечественными исследователями. Но в связи с ситуацией на юго-востоке Украины можно ожидать скорого появления работ, в которых он займет главное место. Весьма вероятно, однако, что в обстановке острого политического конфликта многие исследователи ограничатся прямолинейными “политически корректными” трактовками, сводящимися к тому, что демократия представляет собой естественного врага терроризма, его абсолютное отрицание и что, соответственно, распространение демократии является одним из наиболее эффективных инструментов в борьбе с террористическим насилием.

Но есть основания утверждать, что отношения между демократией и терроризмом носят более противоречивый характер. С особой наглядностью это наблюдается в контексте переходов от авторитарных режимов к демократическим. Вместо повсеместной неуклонной маргинализации субъектов нелегального политического насилия в рамках демократических транзитов обнаруживается очень широкий спектр сценариев – от быстрого исчезновения террористической угрозы после установления новых порядков до ее всплеска; от превращения террористических организаций в составные части

новопровозглашенных демократических режимов до появления террористических группировок, начинающих борьбу против новой власти; от попыток террористическими методами “ускорить” или “углубить” демократические трансформации до попыток, действуя подобными методами, затруднить процесс демократизации или даже обратить его вспять, и т.д.

В данной статье на примере одиннадцати стран (Таблица 1) предпринята попытка в первом приближении раскрыть некоторые общие черты характера и динамики террористического насилия в контексте демократических транзитов. (Отобранные примеры являются не единственными, но наиболее значительными случаями проявления терроризма в рамках перехода к демократии).

Таблица 1

Транзиты (страны и хронологические рамки)

1. США (1865–77 гг.)*	7. Греция (1974 г.)
2. Германия (1918–19 гг.)	8. Испания (1975–79 гг.)
3. Ирландия (1919–23 гг.)	9. Перу (1980 г.)
4. Палестина / Израиль (1947–48 гг.)	10. Чили (1988–89 гг.)
5. Аргентина (1973–83 гг.)**	11. ЮАР (1990–94 гг.)
6. Португалия (1974–76 гг.)	

*Гражданская война в США, разгром рабовладельческого Юга и его последующая Реконструкция являются не столько демократическим транзитом в строгом смысле слова, сколько насильственной “перезагрузкой” давшей сбой демократической системы, изначально обремененной серьезными внутренними противоречиями. Однако масштаб, содержание и форма этой “перезагрузки” дают достаточные основания для того, чтобы рассматривать здесь Реконструкцию Юга наряду с типичными транзитами.

**В связи с демократическими транзитами, как правило, упоминается лишь переход Аргентины к демократии после падения хунты, правившей с 1976 по 1983 г. Но в данной статье подразумевается “долгий переход”, начинающийся с момента падения военного режима 1966–73 гг. и охватывающий период не последовательной и незавершенной демократизации 1973–76 гг., правление второй хунты и, наконец, полную и окончательную демократизацию 1982–83 гг. Внимание главным образом сосредоточено на событиях 1973–76 гг.

Разумеется, поставленная проблема не исчерпывает вопроса о терроризме и демократии. Так, многие из высказываемых здесь соображений ничем не помогут лучшему пониманию феномена терроризма, возникающего на почве устойчивых демократий. Вместе с тем вышеупомянутая наглядность, с которой в контексте транзитов раскрывается неоднозначная природа отношений между терроризмом и демократией, делает рассмотрение поставленной проблемы одной из главных предпосылок для понимания этих отношений в целом. Более того, некоторые террористические организации, действовавшие на стадии демократических транзитов, продолжают свою деятельность и долгое время спустя после завершения транзита – уже в рамках окончательно сформировавшихся демократических систем. В подобных случаях транзитная стадия представляет собой неотъемлемую часть более широкой и сложной картины.

Несмотря на то, что зарубежные исследователи, в отличие от своих украинских коллег, уже давно занимаются вопросом о демократии и терроризме, и в частности – об их отношениях в ходе демократических транзитов, поднятая здесь проблема остается изученной весьма неравномерно. Имеется немало работ, полностью или частично посвященных